

Гермиона и Дурсли

Когда приветствие миссис Уизли, состоявшее из сокрушительных объятий, закончилось, на теперь уже переполненной кухне Нору устроили короткое празднование, каждый из присутствовавших принял душ, чтобы избавиться от грязи и запаха происшедшей битвы. Гарри дали право принять душ первым, а за ним последовала Гермиона. Все остальные подошли к своей очереди и вернулись на кухню отдохнувшими и готовыми к празднованию.

Гарри нашел это немного странным, поскольку все они выражали свою радость по поводу кончины Волдеморта, и хотя они сказали, что собираются отпраздновать это, многие из них просто встали и ушли, широкие улыбки были на всех их лицах. В восемь часов следующего утра Гарри вместе с Гермионой и Дамблдором покинул Нору через портключ и прибыл к главным дверям школы Хогвартс, к его удивлению, прямо там, на лужайках перед школой, началась огромная вечеринка. , ему показалось, что это была ночная вечеринка, организованная как местными жителями, так и студентами и, без сомнения, несколькими членами семьи студентов.

Когда Гарри уже собирался взять Гермиону за руку, его остановил натиск людей, которые подняли его на плечи и начали болеть за него, он, как обычно, немного смутился от всего внимания и не хотел ничего, кроме ускользнуть домой с женой и расслабиться.

Прошел почти час, прежде чем ему и Гермионе удалось сбежать от того, что казалось всем населением Хогсмита, и все они хотели пожать ему руку. Мадам Розмерта разливала сливочное пиво, словно это была обычная питьевая вода. Эльфы носились вокруг, раздавая бутерброды всем желающим. Гарри удалось схватить Гермиону за руку и, держа ее за талию, он начал танцевать, используя танец как прикрытие. Ноги Гарри постепенно повели их к дому, где они очень быстро отступили в невидимое здание.

Всего через пять очень коротких минут Гарри пожалел, что не вернулся на улицу с вечеринкой, он забыл, что Гермиона по какой-то причине злилась на него. Гермиона, однако, не забыла, и в тот момент, когда они вошли в гостиную, на Гарри кричали его жена и его мать за то, что он убил себя. Тот факт, что он был жив и стоял там, слушая их, должен был доказать, что с ним все в порядке, подумал он, но этот аргумент, казалось, не имел никакого влияния на Гермиону, которая теперь плакала, когда она кричала о том, как он разбил ей сердце и напугал ее. до полусмерти.

«Это была не моя любовь, это был этот чертов Волдеморт, — сказал Гарри, пытаясь успокоить двух женщин, — я никак не мог допустить, чтобы это убийственное проклятие поразило тебя».

Гермиона прекратила свою тираду, когда он упомянул проклятие, перед которым он прыгнул, и начал душить его поцелуями. «Она была так напугана, что забыла о том, как это произошло», — подумал он, когда его мать тоже перестала его отчитывать.

«Гарри, как ты это сделал... ты знаешь, что вернулся из мертвых?» — спросила она, прислонив голову к его плечу.

сумку. — Нам это не понадобится, — сказала она, широко улыбаясь. Затем с быстрым взмахом руки и каким-то странно звучащим заклинанием на языке, которого Гарри никогда раньше не слышал, Гермиона внезапно начала расти, всего через несколько секунд она выросла и постарела, она посмотрела на Гарри лет двадцати пяти или около того.

"Как на Земле!" Гарри вздрогнул, но замолчал, когда она произнесла еще одно заклинание на странном языке.

Менее чем через пять секунд Гарри смотрел на свою мать, от шока у него подкосились ноги, и он сел на траву на обочине дороги. — Гермиона? — спросил он, звуча немного ошеломленно.

Голос, который ответил «Конечно, глупо», не был голосом его жены, это был голос, который он слышал в своих снах, в своих кошмарах, когда на него напали дементоры, и на портрете это был голос его матери.

«Пришло время немного расплатиться», сказала она, ухмыляясь, и в ее глазах блеснул триумф.

— Ха, — сказал Гарри, словно это было все, что пришло ему в голову.

«Мы отправляемся на Тисовую улицу, любовь моя, — сказала его жена/мама, все еще с блеском в глазах, — я хочу, чтобы ты аппарировал нас к миссис Фигг».

Как только Гермиона упомянула миссис Фигг, Гарри понял, что он здесь только для прогулки, он знал, что если бы Гермиона знала, где живет миссис Фигг, она оставила бы его дома. — Гермиона, что ты замышляешь? — спросил он, зная, что ему придется подождать, чтобы узнать.

Ответом Гермионы была просто дикая ухмылка, которая почти, почти, но не совсем жалела своих родственников.

Сидя в кошачьем доме миссис Фигг и попивая чай, Гарри слушал, как его жена давала ему какие-то инструкции, миссис Фигг сидела в своем старом кресле, потирая руки и громко посмеиваясь, пока Гермиона излагала план, который она придумала с помощью Гарри. родители, Сириус и Годрик, именно Годрик рассказал ей заклинание, изменяющее внешний вид. Гарри допил свой напиток и в сопровождении Гермионы направился к дому номер четыре по Тисовой улице.

Петунья Дурсль открыла входную дверь и увидела своего ненавистного племянника, улыбающегося ей: «Чего тебе, урод?» — спросила она, пытаясь закрыть дверь, но обнаружила, что не может. Петунья перевела взгляд через улицу, проверяя, не наблюдает ли кто-нибудь из соседей, прежде чем она посмотрела на Гарри и сказала: «Заходи скорее».

Гарри шагнул в холл, а его тетя направилась к своей безупречной кухне. — Закрой дверь и

вытри свои грязные ноги, — прорычала она на него.

Гарри наблюдал, как она вошла на кухню, прежде чем закрыть дверь, а затем последовал за ней на кухню. Он очень хорошо помнил детали и думал о тех случаях, когда его заставляли драить пол до крови.

— Так чего же ты хочешь, чего ты хочешь, — снова зарычала на него тетя.

— О, я просто хотел зайти, рассказать тебе о моей новой школе, о моей жене Гермионе и обо всех миллионах фунтов, которые оставил мне мой отец, — небрежно сказал Гарри.

— Миллионы фунтов? Петуния повторила его слова «что значит миллионы».

«О, я не знаю, сколько, все, что я знаю, это то, что у меня есть миллионы, миллионы и миллионы», — сказал Гарри, пытаясь говорить как маленький мальчик.

Гарри услышал, как открылась кухонная дверь, но проигнорировал ее, не показывая никаких признаков того, что он знал, что Гермиона/мама только что вошли в комнату.

— С вами все в порядке, тетя Петуния? — невинно спросил он.

Петуния смотрела через его плечо чрезвычайно бледным лицом; Гарри обернулся, чтобы посмотреть, затем пожал плечами и повернулся. — Тетя Петуния?

Гермиона/мама ходила по кухне, как будто осматривая ее на наличие пыли, она провела пальцем по прилавку, затем осмотрела его и цокнула, используя прозвище, данное ей Лили, она посмотрела на тетю и заговорила.

«Всегда один и тот же, Танни, ты всегда был слишком навязчивым».

— Я... ты... ты... умерла, ты умерла много лет назад, — пробормотала Петуния, глядя на Гермиону.

«Нет, тетя Петуния, я не умер, мои мама и папа умерли», — сказал Гарри, как будто его тетя говорила с ним.

«Я наблюдал за тем, как ты обращаешься с Гарри, и мне не нравится то, что я видел, поэтому я решил провести несколько лет, преследуя тебя и эту ужасную жирную кучку мусора, которую ты называешь Верноном, и эту не менее уродливую толстую свинью с мертвыми мозгами. ты звонишь своему сыну. Ты когда-нибудь задумывался о том, чтобы взвесить толстого уродца, ты мог бы получить хорошую цену за весь этот жир, я уверена, что Гарри мог бы найти тебе ведьму, готовую есть больше жира, чем мяса, - говорила Гермиона. когда она открывала шкафы

и ящики.

— Не смей называть моего Даддера уродом, — завизжала Петунья.

— Я не сказал ни слова, — сказал Гарри, изо всех сил борясь с подавляющим желанием рассмеяться.

Петунья уставилась на него, как будто забыла, что он здесь. — Не ты, урод, она, — сказала она, указывая на Гермиону/маму, которая сейчас открывала краны в раковине.

Гарри сделал вид, что осматривает кухню. — Кто? — спросил он, выглядя убедительно сбитым с толку.

«Она, эта моя уродливая сестра», — закричала на него Петунья.

Гарри немного попятился. — Ты хорошо себя чувствуешь, тетя? он спросил.

«Он меня не видит, понятия не имеет», — сказала Гермиона/мама, доставая мешок с мукой из одного из шкафов и наблюдая, как она левитирует его за дверь.

Все услышали мягкий стук, когда мешок с мукой упал на пол, в узкое отверстие влетело облако белой пыли, Гарри стоял неподвижно, не оборачиваясь, чтобы посмотреть, откуда доносился стук, он начинал получать от этого безмерное удовольствие, все, что он нужно было сопротивляться желанию рассмеяться, и, поскольку это был один из тех, кто сделал его первые одиннадцать лет такими несчастными, ему было довольно трудно оставаться невозмутимым.

Гермиона/мама проворчала: «Дорогой Танни, похоже, ты что-то уронил, и посмотри на всю эту пыль», — сказала она, левитируя все вещи из холодильника.

Петунья вдруг убедилась, что это все сделал Гарри. «Ты злобный уродец, — кричала она ему, выталкивая его из кухни, — убирайся, убирайся из моего дома и не возвращайся», — кричала она, когда она толкнула его по коридору.

Гарри провел следующие два часа, сидя в парке, тщательно балансируя на одной из скамеек, чтобы он мог наблюдать в мыслях Гермионы, как его гениальная жена устраивала еще больше беспорядка и еще больше досаждала его тете.

— Ты действительно думал, что это мой Гарри? — спросила она, когда Петунья вернулась на кухню после того, как выгнала Гарри из дома.

Когда Вернон пришел домой, Гарри начал волноваться, он смотрел, как его толстый дядя вышел в холл и закрыл входную дверь, как только он повернулся, чтобы пройти на кухню, он

увидел Гермиону, или, точнее, он увидел, кого он думал. стояла ли Лили Поттер и смотрела на него, и он сглотнул, когда пот сразу же струился по его лицу.

«Добрый вечер, жирный неряха, — поприветствовала она его, — почему бы тебе не присоединиться к своей злой жене на кухне».

Гарри усмехнулся, он знал, что ему не о чем беспокоиться, когда Гермиона с помощью палочки и без усилий подняла его огромного дядюшку над землей и отправила его на кухню. Вернон широко раскрытыми от испуга глазами оглядел обычно безупречную кухню; Гермиона высыпала содержимое шкафов и холодильника на пол и размазала беспорядок по всем поверхностям.

Пороссячи глазки Вернона оглядели кухню в поисках Петунии, прежде чем он увидел ее прижатой к потолку, секундой позже он был прижат к ней вместе с ней.

«Опусти меня, урод», — кричал он, пытаясь цепляться за воздух.

— Хорошо, — сказала Гермиона и позволила ему упасть. Гарри мог бы поклясться, что почувствовал удар по скамейке в парке, когда толстяк отскочил от кухонного пола.

По какой-то странной причине события, которые он наблюдал, пока Гермиона мучила Вернона, напомнили ему о дне, когда он взорвал свою тетю, и он начал хихикать при этом воспоминании.

Гермионе уже надоело играть с Дурслями, она начала вносить последние штрихи в свои планы, Петунья Дурслль внезапно снова оказалась на земле и стояла рядом с Верноном.

Появился кусок веревки и обернулся вокруг их запястий, затем появились две доски для сэндвичей, одна из которых была перекинута через плечи каждого Дурсля, надпись, появившаяся сзади и спереди, казалось, шокировала Вернона больше, чем плавание, обе доски были неустранимы пока и читаем крупным шрифтом,

«Это не реклама, это правдивая констатация факта.

Я, Вернон Дурслль, подтверждаю, что я избиваю детей, я бил своего племянника без всякой причины и причины, каждый день в течение десяти лет, я часто ломал ему кости, мне также нравилось морить его голодом. С двухлетнего возраста я запирала его в чулане под лестницей, выпуская наружу только для выполнения всех домашних работ по саду и готовки. Я провел все эти годы не только избивая его, но и унижая и обзывая его. Меня зовут Дурслль. Я живу в доме номер четыре по Тисовой улице, маленький нытик Суррей.

Взмахом руки Гермиона опустошила все их карманы, удостоверившись, что у них нет ни гроша и кредитных карт, затем она надела маленький металлический браслет на запястье Петунии и отступила назад, когда активировался порт-ключ, и повела Дурслей в переулок. недалеко от

площади Пикадилли в Лондоне.

Пять минут спустя к Гарри на скамейке в парке присоединилась Гермиона, которая пришла в норму.

«Надеюсь, им понадобится неделя, чтобы дойти до дома», — сказала она, прежде чем они оба исчезли со скамейки.

<http://tl.rulate.ru/book/78020/2345976>